

На правах рукописи



Сопова Светлана Петровна

**ПОВЕСТЬ А. П. ЧЕХОВА «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ»  
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РЕЦЕПЦИИ**

10.01.01 – Русская литература

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук

Томск – 2014

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Томский государственный педагогический университет» на кафедре литературы.

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, профессор  
**Разумова Нина Евгеньевна**

**Официальные оппоненты:**

**Собенников Анатолий Самуилович,**  
доктор филологических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Иркутский государственный университет», кафедра русской и зарубежной литературы, заведующий кафедрой.

**Аблогина Евгения Владимировна,**  
кандидат филологических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра романо-германской филологии, доцент.

**Ведущая организация:** федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Защита состоится 25 февраля 2015 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» [www.tsu.ru](http://www.tsu.ru).

Автореферат разослан «\_\_» января 2015 года.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: [http://www.tsu.ru/content/news/announcement\\_of\\_the\\_dissertations\\_in\\_the\\_tsu.php](http://www.tsu.ru/content/news/announcement_of_the_dissertations_in_the_tsu.php)

Ученый секретарь  
диссертационного совета



Филь Юлия Вадимовна

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение творчества А. П. Чехова является на сегодняшний день одним из наиболее активных направлений не только в отечественном, но и в зарубежном литературоведении. Последние десятилетия отмечены тенденцией к увеличению числа исследований, посвященных вхождению чеховского творчества в иное культурное пространство и его влиянию на культуру других стран; этапным событием явился выход из печати нескольких томов коллективного труда «Чехов и мировая литература»<sup>1</sup>, объединившего многочисленные материалы об истории зарубежного освоения чеховского наследия. Защищен целый ряд диссертаций об иноязычной рецепции отдельных произведений Чехова<sup>2</sup>. Таким образом, **актуальность** данного исследования определяется насущным интересом литературоведения к вопросам интерпретации текста и его перевода, к сопоставительному изучению литератур и – шире – к проблеме диалога культур. Актуальной представляется и конкретная тематическая направленность работы: освещение особенностей рецепции одного из ключевых произведений Чехова на франкоязычной почве.

Повесть «Скучная история» (1889), выбранная для настоящего исследования, явилась этапным произведением в жизни писателя, став наиболее полным художественным выражением его мировоззренческого кризиса второй половины 1880-х годов, связанного с «трагическим представлением об абсурдности человеческого пребывания в мире»<sup>3</sup>. Суть кризиса составляло коренное противоречие человеческой природы, которое так или иначе переживалось и осмысливалось всеми думающими личностями мировой культуры, а именно разрыв между духовной и физической составляющими людей: свобода и мощь первой и ограниченность второй, заданная смертностью человека.

«Скучная история» немедленно вызвала многочисленные отзывы критики<sup>4</sup>, которые показали, насколько непривычной и оригинальной была писательская позиция, основанная на принципиальном отказе от готовых,

<sup>1</sup> Чехов и мировая литература: В 3 кн. / Ред.-сост. З. С. Паперный и Э. А. Полоцкая; Отв. ред. Л. М. Розенблюм. М.: Наука, 1997 – 2005. (Лит. наследство; Т. 100.)

<sup>2</sup> См.: Адам Е. А. Рецепция драмы А. П. Чехова «Три сестры» в немецкоязычных странах: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Е. А. Адам. Томск, 2008. 280 с.; Аленькина Т. Б. Комедия А. П. Чехова «Чайка» в англоязычных странах: феномен адаптации: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01, 10.01.03 / Т. Б. Аленькина. Москва, 2006. 194 с.; Забелина Л. Н. Рецепция творчества А. П. Чехова в Италии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Л. Н. Забелина. Тверь, 2009. 228 с.; Олицкая Д. А. Рецепция пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» в Германии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Д. А. Олицкая. Томск, 2004. 211 с.

<sup>3</sup> Разумова Н. Е. Концепция и образы культуры у Чехова // Философия А. П. Чехова. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2008. С. 149.

<sup>4</sup> См.: Буренин. Критические очерки // Новое время. 1889. Ноябрь. № 4922; Р. Д. Критические заметки // Неделя. 1889. Ноябрь. № 46; Созерцатель. Новый поворот в идеях нашей беллетристики // Русское богатство. 1890. № 1. С. 95 – 112; Струнин Д. Выдающийся литературный тип // Русское богатство. 1890. № 4. С. 106–125 и др.

универсальных ответов и максимальном исключении авторского руководящего голоса из мучительных раздумий героя.

На протяжении XX века отечественные литературоведы дали разностороннее освещение проблематики повести в контексте жизни и творчества писателя, эволюции его мировоззренческих позиций, эстетики и поэтики его прозы (Л. Г. Барлас, Г. П. Бердников, Н. Я. Берковский, М. П. Громов, В. Б. Катаев, Н. А. Кожевникова, В. Я. Лакшин, В. Я. Линков, Л. А. Малюгин, М. Б. Мирской, З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая, Н. Е. Разумова, В. Д. Седегов, А. П. Скафтымов, А. С. Собенников, А. Д. Степанов, И. Н. Сухих, Е. Толстая, В. И. Тюпа, А. П. Чудаков, И. Г. Эренбург и др.).

В XXI веке чеховедение продолжает свое развитие, расширяя круг исследуемых вопросов, корректируя и углубляя уже существующие представления о повести, а также ища новые способы ее интерпретации. Так, в 2009 году в Ростове-на-Дону вышел сборник статей под общим названием «Концептосфера А. П. Чехова», в котором А. А. Козакова обращается к «Скучной истории» при рассмотрении концепта *скука*. Автор статьи доказывает, что данный концепт является «базовым, основообразующим для чеховского творчества на протяжении всех этапов его развития»<sup>5</sup>. Необходимо добавить, что, будучи фоновым уже во многих предыдущих произведениях, в «Скучной истории» концепт *скука* занимает главенствующее положение. Являясь центральным в повести, он организует ее сложную текстуру, в которой переплетаются различные словесно-семантические мотивы. Отсутствие работ, рассматривающих текстовую организацию данного произведения как обязательный и основной компонент его смыслообразования, рождает потребность в такого рода исследовании.

В этой связи актуальным представляется обращение к концептному анализу произведения как к современному методу, направленному на выявление концептного «каркаса» художественного текста, который обуславливает его предметно-смысловое содержание, организует его структуру и формирует соответствующее словесно-образное наполнение. В свете предпринятого нами исследования такой подход оказывается наиболее эффективным, поскольку позволяет представить организацию языкового сознания автора как концептосферу его произведения, а полученные данные использовать для более глубокого понимания смыслового содержания текста, без которого невозможна его интерпретация и дальнейший перевод. К тому же, подобный анализ помогает выявить адекватные ресурсы в принимающем языке для более полноценной передачи заложенного в оригинале смысла.

Идея концептного анализа художественного произведения возникла в рамках когнитивного подхода в литературоведении. Этот новый вектор в области изучения художественных произведений нацелен на выявление вербализованных семантических универсалий художественно-образного

---

<sup>5</sup> Козакова А. А. Концепт «Скука» // Концептосфера А. П. Чехова: сборник статей. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. С. 197.

сознания писателя. Такой анализ позволил приблизиться к пониманию механизмов порождения автором художественного смысла, являющегося важнейшей ценностью литературного текста. В. Зусман утверждает, что «именно смысл в наибольшей мере раскрывает суть термина “концепт”»<sup>6</sup>. Анализ концептов в произведениях различных писателей предполагает рассмотрение художественного текста как сложного смыслового знака, отражающего авторское восприятие действительности, тесно связанное с национально-культурными и языковыми традициями его народа и представленное в словесной ткани произведения в виде индивидуально-авторских концептов. Слово здесь изучается комплексно с применением интегративного подхода, разработанного на стыке когнитивной лингвистики, литературоведения, философии и культурологии. Результатом концептного анализа становится выявление индивидуально-авторских концептов, представляющих собой базисные категории мировоззрения писателя<sup>7</sup>, единицы его художественной картины мира<sup>8</sup>.

В ходе концептного анализа «Скучной истории» выделяется ряд мотивов<sup>9</sup>, которые воспринимаются нами как словесно обозначенные в структуре текста проявления концепта.

Таким образом, концептный анализ применяется нами прежде всего как средство для максимально полной интерпретации повести «Скучная история», которая, как и вся зрелая чеховская проза, обладает особой текстовой организацией, родственной по своей природе поэзии и музыке. Далее прослеживается полнота воссоздания ее концептного «каркаса» во франкоязычных переводах, что помогает выявить степень их художественной и смысловой близости к оригиналу и оценить современный уровень рецепции повести.

**Степень разработанности темы исследования.** Несмотря на большое количество как отечественных, так и зарубежных исследований творчества Чехова, проблеме перевода «Скучной истории» не уделялось практически никакого внимания. Первая попытка систематизировать информацию о рецепции прозы и драматургии Чехова во Франции принадлежит Софи

---

<sup>6</sup> Зусман В. Концепт в системе гуманитарного знания [Электронный ресурс] // Журнальный зал: «Вопросы литературы». 2003. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2003/2/zys.html> (дата обращения: 15.05.2014).

<sup>7</sup> См.: Зябрева Г. А., Капустина С. В. Концепт-анализ в современном литературоведении: теоретическая и методологическая проекции // Вопросы русской литературы. Выпуск 19 (76). Симферополь: Крымский архив, 2011. С. 89.

<sup>8</sup> См.: Болотнова Н. С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2007. Вып. 2 (65). С. 74.

<sup>9</sup> Согласно определению А. Н. Шехватовой, мотив – это «относительно устойчивый формально-содержательный компонент художественного произведения, формирующийся вокруг ключевого слова (понятия), характеризующийся пространственно-временной повторяемостью, способный к модификации и стремящийся к наполнению надконтекстуального значения» (Шехватова А. Н. Мотив в структуре чеховской прозы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. Н. Шехватова. СПб., 2003. С. 5).

Лаффит<sup>10</sup>, составившей обзор франкоязычных собраний сочинений писателя, изданий его отдельных произведений, анализ работ французских критиков и литературоведов о личности и творчестве Чехова, а также очерк театральной интерпретации его драматургии. Однако серьезного сопоставительного изучения рецептивных особенностей как творчества Чехова в целом, так и «Скучной истории» в частности, в работе не было представлено.

В таком же ключе написаны статьи Софи Лазарюс<sup>11</sup> и Жаклин де Пруайяр<sup>12</sup> о франкоязычных переводах произведений Чехова и критическом осмыслении его творчества во франкоговорящем мире. Дополняет эти обзоры статья Мишель Кадо<sup>13</sup>. Единственное исследование рецептивных особенностей чеховской повести, но только в англоязычном литературоведении, было предпринято Е. В. Селезневой<sup>14</sup>.

Таким образом, настоящая работа призвана подробно исследовать франкоязычную рецепцию «Скучной истории», сравнить все существующие на сегодняшний день переводы повести (всего их три), не получившие пока оценки ни как самостоятельные репрезентации оригинала, ни в сравнении друг с другом, и сделать выводы о степени сохранения коммуникативного воздействия чеховского произведения в его переводах. Выбранный же в качестве единицы исследования повести концепт способствует выявлению словесной структуры исходного текста как незаменимой составляющей ее смыслообразования, что в целом может быть использовано при создании новых переводов «Скучной истории».

**Объектом** настоящего исследования является повесть А. П. Чехова «Скучная история» и ее франкоязычная рецепция, **предметом** исследования – реализация концепта *скука* в чеховском произведении и во франкоязычных переводах повести.

**Целью** исследования является комплексный анализ франкоязычной рецепции повести Чехова «Скучная история» в единстве литературоведческого и переводоведческого аспектов. Поставленная цель обуславливает решение ряда **задач**, последовательно реализуемых в двух главах диссертации:

1. выявить уникальную текстовую организацию исследуемого чеховского произведения, формирующую его смысл;

---

<sup>10</sup> Лаффит С. Чехов во Франции // Лит. наследство. Т. 68. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 705–746.

<sup>11</sup> Лазарюс С. Переводы произведений Чехова во Франции // Чехов и мировая литература (Лит. наследство; Т. 100), кн. 1. М.: Наука, 1997. С. 7–26.

<sup>12</sup> Пруайяр Ж. Чехов во Французской критике (1960 – 1983) // Чехов и мировая литература (Лит. наследство; Т. 100), кн. 1. М.: Наука, 1997. С. 27 – 72.

<sup>13</sup> Cadot M. Les débuts de la reception de Tchekhov en France // Tchekhoviana: Tchekhov et la France. М.: Nauka; Р.: Institut d'études Slaves, 1992. Р. 146–152.

<sup>14</sup> Селезнева Е. В. Рецепция повести А. П. Чехова «Скучная история» в англоязычном литературоведении // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 26–29.

2. изучить франкоязычную критическую рецепцию повести «Скучная история» в контексте восприятия творчества Чехова в целом;
3. дать целостную сравнительную характеристику существующих франкоязычных переводов повести;
4. проанализировать репрезентацию концепта *скука* в переводах «Скучной истории» на французский язык;
5. продемонстрировать и осмыслить возможности концептного анализа для исследования оригинального и переводного текста.

**Материалом** исследования явились повесть Чехова «Скучная история» и ее франкоязычные переводы, выполненные Д. Рошем, Б. Шлецером, Э. Парейром<sup>15</sup>.

**Научная новизна** исследования определяется следующими факторами:

1. повесть «Скучная история» впервые проанализирована с позиции концептной организации текста, что позволило рассматривать ее как систему взаимосвязанных словесно-семантических мотивов, организованных ключевым концептом *скука*;
2. введен в научный оборот и осмыслен ряд материалов французской критики, освещающий рецепцию повести «Скучная история» на современном этапе;
3. впервые в рамках отдельного исследования рассмотрены понимание, интерпретация и перевод чеховской повести во франкоязычном мире;
4. целостно проанализированы в сопоставлении с оригиналом и между собой все франкоязычные переводы повести «Скучная история», что позволило оценить степень сохранения в переводах концептной организации оригинального произведения;
5. продемонстрирована эффективность концептного анализа как инструмента литературоведческого исследования, в том числе в области художественного перевода.

Проведенное исследование способствует актуализации концептного подхода к изучению творчества Чехова и дополняет картину его франкоязычной рецепции.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в возможности использования его положений и выводов в современном литературоведении и конкретно в чеховедении. Результаты работы также могут применяться для более целостного осмысления творчества Чехова в контексте русско-французских литературных связей. Разработка ряда проблем компаративистики и теории перевода на конкретном исследуемом материале

---

<sup>15</sup> Tchekhov Antone. Oeuvres complètes. Tom III. Une banale histoire. Traduit du russe par Denis Roche. Paris. Librairie Plon. 1923. 304 p.; Tchekhov A. Une morne histoire. Traduction de B. de Schoezer. Les auteurs classiques russes. Éditions de la Pléiade. Paris. 1926. 145 p.; Tchekhov Anton. Une banale histoire. Traduction du russe par Edouard Parayre, revue par Lily Denis. Paris. Gallimard. 2012. 132 p.

вносит определенный вклад и в расширение общетеоретических представлений, в частности касающихся соотношения перевода и оригинала.

**Практическая значимость** диссертационной работы обусловлена возможностью использования ее материалов при чтении общих курсов по истории русской и французской литературы, при чтении лекций по русско-французским литературным связям, в спецкурсах по изучению творчества Чехова, в спецкурсах и спецсеминарах по теории и практике художественного перевода, в компаративистских исследованиях и эдиционной практике при комментировании повести «Скучная история», а также в практике художественного перевода.

**Методологической и теоретической основой** диссертационного исследования стали труды отечественных и зарубежных ученых по переводоведению и компаративистике (А. Н. Веселовский, В. Г. Гак, Н. К. Гарбовский, Д. Дюришин, В. М. Жирмунский, В. Н. Комиссаров, Ю. Д. Левин, И. Левый, Е. А. Огнева, М. П. Топер и др.), литературоведению (М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа и др.), лингвистике и лингвокультурологии (Н. С. Болотнова, А. Вежбицкая, И. Р. Гальперин, В. В. Глебкин, Н. Е. Сороченко и др.), семантике текста (Ю. С. Степанов).

**Методы исследования**, используемые в рамках настоящей работы, обусловлены междисциплинарным характером диссертации: она находится на стыке литературоведения, переводоведения, лингвистики. Поэтому в работе применяются комплексные методы исследования.

Основополагающим методом выбран *концептный анализ*, являющийся на сегодняшний день одним из «самых важных и точных»<sup>16</sup> методологических конструктов литературоведения. Он позволяет постичь эстетический смысл художественного произведения и определить основные черты идиостиля писателя, реализуемые в рамках этого произведения. Как показало наше исследование, он также может эффективно использоваться для проведения сравнительно-сопоставительного изучения переводов произведения: путем моделирования концептной структуры оригинала выявляется либо сохранение искомого смысла литературного текста при его переводе на другой язык, либо отклонения от него с обозначением специфических особенностей этих отклонений.

Метод *концептного анализа*, выбранный в качестве основного, также обусловлен особенностями самого исследуемого произведения, в котором авторская позиция намеренно завуалирована, «спрятана» в словесной ткани повести.

В диссертационной работе также используются:

– метод *наблюдения* для выявления особенностей функционирования стилистических приемов;

---

<sup>16</sup> Зябрева Г. А., Капустина С. В. Указ. соч. С. 93.



– метод *моделирования ассоциативно-смысловых полей* текстуальных мотивов для определения специфики индивидуально-авторского истолкования ключевого концепта;

– *сравнительно-сопоставительный* метод, позволяющий оценить как уникальность текстовой системы оригинала, так и соответствие или несоответствие ей систем переводных вариантов произведения;

– *семантико-стилистический* метод, который нацелен на изучение смысловых трансформаций языковых единиц в контексте произведения и выявление их стилистической значимости.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. В повести «Скучная история» начиная с заглавия концепт *скука / скучный* обладает повышенной активностью и играет стержневую роль в организации текста. Основные семантические составляющие концепта *скука / скучный* – однообразие и отчуждение – постепенно выявляют свою экзистенциальную суть, формируя смысловое целое произведения, неотделимое от образующих его словесно-семантических мотивов.

2. Именно благодаря сложной системе взаимодействия и перекличек между этими мотивами авторефлексия героя в повести, написанной от первого лица, получает масштабное обобщающее значение и делает «Скучную историю» наиболее полным выражением трагической концепции человека, свойственной творчеству Чехова в конце 1880-х гг.

3. Концепт *скука*, являющийся одним из основных культурных концептов русской культуры, имеет экзистенциальную составляющую, что не свойственно соответствующим концептам в западноевропейской, в частности французской, культурно-языковой традиции. Это изначально затрудняет адекватное восприятие повести Чехова на французском языке и особенно ее перевод.

4. «Скучная история» еще не получила во Франции основательной критической рецепции. Трактовки повести сосредоточены на главном герое как прямом выразителе авторских мыслей, тогда как организация его повествовательного дискурса, являющаяся основным генератором смысла в произведении, остается не осмысленной.

5. Имеющиеся на сегодняшний день три французских перевода повести в разной степени приближаются к передаче ее смысла (больше других – перевод Б. Шлецера). Но без воссоздания текстовой организации оригинала, последовательно реализующей содержание ключевого концепта, смысловое целое повести оказывается не переданным.

6. Воссоздание концептного «каркаса» произведения необходимо для художественного перевода, особенно если оригиналу присуща специфически тонкая текстовая организация, активно участвующая в формировании смысла. Полному решению этой задачи препятствуют объективные культурно-языковые различия; но они могут быть сглажены благодаря выбору соответствующих переводческих решений, опирающихся на осознанное

внимание к проблеме и анализ смыслообразующих структур в тексте оригинала.

**Апробация результатов.** Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах, представленных на научно-практических конференциях всероссийского и международного уровней: «Русский национальный мирообраз в пространстве межкультурного диалога» (Томск, 2010 г.), «Развитие русского национального мирообраз в пространстве межкультурного диалога» (Томск, 2013 г.), «Наука и образование» (Томск, 2010, 2011, 2013, 2014 гг.). Результаты исследования обсуждались на научно-методических семинарах кафедры литературы Томского государственного педагогического университета. Основное содержание работы отражено в 6 статьях, из них 3 – в научных изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации.

**Структура работы.** Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы и источников, включающего 242 наименования. Объем работы составляет 205 страниц.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** представлена общая характеристика диссертационного исследования, обоснована актуальность выбранной темы, определены цели и задачи работы, ее методологические принципы, показаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, изложены основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1 «Скука как ключевой концепт в повести А. П. Чехова “Скучная история”»** демонстрируется применение художественного концепта в качестве единицы изучения литературного произведения. В соответствии с методикой проведения выбранного исследования сначала дается толкование, этимология и общекультурное наполнение концепта *скука*, значимость которого определяется всем образно-семантическим комплексом произведения. Подробно анализируется повесть «Скучная история», в результате чего выявляются лексико-семантические репрезентанты концепта *скука*, формирующие концептный «каркас» произведения.

В **первом разделе «Национально-художественное своеобразие концепта *скука* в русской культуре»** рассматриваются критерии, позволяющие причислить *скуку* к разряду национальных концептов, исследуется процесс становления этого концепта как одного из ведущих в русской литературной традиции XIX века. Для прояснения семантики и этимологии самого слова «скука» приводятся данные словарных статей

В. И. Даля, С. И. Ожегова, Е. В. Урысона, А. Г. Преображенского, Н. В. Горяева, В. В. Глебкина, П. Я. Черных. Слово «скука» трактуется в них как определение состояния человека при отсутствии занятости, вынужденном бездействии, либо при бесцельности происходящего. Философ Н. А. Хамитов определяет *скуку* как «чувство усредненного и обезличенного существования, переживания отсутствия полноты жизни, отсутствия ее смысла. В скуке перед нами распахивается бездна бессмысленности обыденного бытия»<sup>17</sup>. Таким образом, понятие *скуки* проявляет очевидный семантический потенциал экзистенциального характера.

Это соответствует выводам В. В. Глебкина, что в русской культурной традиции *скука* получает метафизическое измерение, являясь отличительной чертой бытия, в котором нет смысла и подлинности, а видимые признаки жизни прячут скрывающуюся за ними пустоту. Исследователь также отмечает, что в русской культуре впервые связь *скуки* с небытием и смертью прозвучала в контексте гоголевского творчества («Скучно на этом свете, господа!»), а затем этот мотив устойчиво воспроизводился в литературе второй половины XIX – XX вв. Лингвист делает вывод о том, что русское понятие *скука* отличается от аналогичных ему понятий, существующих в европейских языках, своей экзистенциальной направленностью. В подтверждение этого мнения в диссертации приводятся данные Русского ассоциативного словаря, наглядно демонстрирующие трансцендентальность этого понятия в повседневном сознании носителей русского языка.

Смысловое пространство концепта *скука* во время написания Чеховым своей повести варьировалось от отсутствия интереса к окружающей действительности до связи со смертью. Об этом говорят данные Толкового словаря В. И. Даля, наиболее близкого по времени составления к исследуемому произведению. Благодаря своему экзистенциальному потенциалу *скука* стала предметом философской рефлексии. Очевидно, именно поэтому отражение исследуемого концепта обнаруживается во многих текстах русской литературы (у А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя), в том числе и у А. П. Чехова. А. А. Козакова утверждает, что данный концепт является у писателя ведущим на всех этапах его творчества. Утверждение исследовательницы опирается на подсчеты, проведенные ею в рамках работы над словарем концептов Чехова: в его идиолекте насчитывается 1039 словоформ с корнем «-сук-» / «-суч-»<sup>18</sup>, – а также на анализ произведений.

---

<sup>17</sup> Цит. по: Чеснокова Л. В. Тоска как национальный концепт русской культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2-х ч. Ч. 1. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). С. 198.

<sup>18</sup> Козакова А. А. Роль индивидуально-авторских образований А. П. Чехова в формировании концептов «скука» и «тоска» // А. П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя: материалы междунар. науч. конф. Ростов н/Д.: Логос, 2002. С. 275.

Таким образом, концепт *скука* можно с полной уверенностью назвать одним из центральных в русской культуре XIX века. Его содержание охватывает достаточно широкий спектр значений, но с очевидным тяготением к характеристике экзистенциального самоощущения личности. Эта тенденция сохраняется и в настоящее время, хотя данный концепт во многом утратил свою культурную интенсивность. Из вышесказанного можно заключить, что концептуализация понятия *скуки* в творчестве Чехова происходит в рамках как общекультурной традиции, так и его собственного писательского идиолекта, являясь одной из его важнейших характеристик.

Во втором разделе «Семантические составляющие концепта *скука* в повести “Скучная история”» подробно рассматривается заглавие чеховского произведения, в котором концепт *скука / скучный* обозначен как центральный и ключевой. Название сразу привлекает внимание своей неоднозначностью. Его необычная эффективность связана с тем, что в русском языке многие контексты со словами «скука / скучный» и «история» допускают двойную интерпретацию, что обуславливает такую возможность и для словосочетания «скучная история». Так, смысловой потенциал слова «история» включает и историю в жанровом смысле, как синоним повести, и историю как жизнь героя, а эпитет «скучная» может быть истолкован и как определение предстоящей повести как скучно написанной, и как указание на то, что скучна сама рассказываемая в ней история главного героя.

Благодаря такому приему читательское внимание и мысль оказываются изначально особо активизированы и направлены на осмысление феномена «скучности» в истории героя. *Скука / скучный*, таким образом, закрепляется в роли центрального концепта произведения, организующего читательское отношение в плане не только интереса к сюжету, сопереживания герою, но и размышления над проблемой, которую для автора воплощает его судьба. Трагический же смысл повести реализуется не только и не столько в прямых дискурсивных формулировках, но в сложной системе словесно-образных мотивов, представляющих стержневой концепт *скука / скучный*.

В разделе 1.2.1 «Реализация семантики *однообразия*» анализируется даваемая героем-повествователем характеристика жизни мира, который его окружает. С самого начала в повести воссоздается ощущение тяготящей его *скуки* из-за монотонности каждодневных событий, переставших приносить новые впечатления и эмоции. Это достигается посредством многократных лексических повторений, формирующих семантику томительного *однообразия* повседневного существования. Она реализуется благодаря употреблению выражения «одно и то же» («один и тот же»), слова «одинаково», слов с основой «обыкновен-», слов «обычный» / «по обычаю», «всегда», «навсегда», «непременно», «часто», «давно», «постоянно» / «постоянный» и т.д.

Отмечено, что многие слова, формирующие семантику *однообразия*, лишаются негативной коннотации, когда применяются к Кате в ее прошлом. Положительную окраску приобретают такие лексические мотивы, как *необыкновенный, всегда, непременно, неизменно, постоянный, давно, одно и*

*то же, привыкнуть / привычка.* Применительно к своему прошлому герой также использует некоторые слова, характеризующие *однообразное* течение жизни, в позитивном значении. Употребление одних и тех же слов с разной смысловой нагрузкой, не замечаемое Николаем Степановичем, который резко противопоставляет «прежде» и «теперь», исподволь подрывает его упрощенную оппозицию. За героем проступает более сложная и глубокая авторская точка зрения, не сводящая объяснение кризиса к болезненным изменениям самого профессора и деградации окружающей его жизни, а нацеленная на сущностные закономерности человеческого бытия как такового.

Таким образом, семантика *однообразия*, реализуемая целым рядом лексических мотивов, воплощает повторяемость, «ритуальность» быта, в форму которого отливается жизнь и который заслоняет от сознания ее неуклонное движение к финалу. Посредством данной семантики в повести представлена внешняя сторона жизни главного героя, внутренне подавленного совсем не бытовыми вопросами. Однако семантический потенциал словесно-образных мотивов, представляющих однообразную действительность Николая Степановича, носит именно бытовой характер. Болезненное ощущение неизменности быта выступает в повести симптомом нарастающего у героя тяжелого мировоззренческого кризиса. Многократное употребление слов, семантически направленных на воспроизведение героем образа окружающей унылой, удручающей действительности, соответствует его внутреннему состоянию, более точно характеризуемого посредством семантики *отчуждения*.

В разделе 1.2.2 «Реализация семантики *отчуждения*» дается характеристика собственного самоощущения героя. Обозначенная семантика реализуется в ряде мотивов, прежде всего мотиве *равнодушия*, имеющем множество вариаций. Она также формируется посредством мотивов *лени, небрежности, машинальности, одиночества, угрюмости и скуки*. Иронический тон, в котором герой говорит о собственной персоне, реализует семантику *отчуждения* на стилистическом уровне, а на уровне сюжетном это достигается обособлением героя от самых близких ему людей. В финальной сцене повести *отчуждение* находит наиболее полное воплощение в ущербной словесной коммуникации, в неадекватном восприятии слов другого, в отсутствии зрительного контакта – ответного взгляда Кати. В целом различные словесно-образные мотивы с семантикой *отчуждения* характеризуют углубляющийся разлад с окружающим миром не только у главного героя, погруженного в неотступные мысли о смысле жизни, но и у непосредственно следующей за ним Кати и функционируют в тесном взаимодействии с мотивами экзистенциального характера.

В разделе 1.2.3 «Экзистенциальные мотивы в повести» анализируется развертывание в текстовой организации произведения мотивов с отчетливым экзистенциальным наполнением. Это мотивы *тяжести, страха, боязни, ужаса, темноты, бессонницы, холода, молчания, тишины, старения,*

*смерти*. Чрезвычайно важным для постижения смысла повести является понимание выражения «общая идея». Оно симметрично соотнесено с заглавным словосочетанием «скучная история» (что подчеркивается аналогичной моделью «прилагательное + существительное женского рода») и выполняет назначение противовеса, обещая качественный прорыв в случае своего успешного обнаружения: тогда *история* наполнится смыслом и перестанет быть *скучной*. Но так ничего и не противопоставив «скучной истории», «общая идея» остается не найденной. Эпитет «общая» в этом словосочетании, интерпретации которого составляют стержень бесконечных дискуссий о повести, вырастает в ее тексте из совокупности многочисленных (38) словоупотреблений с корнем «общ-», аккумулируя в себе значение той искомой общности, которая невозможна в силу изначального трагического противоречия человеческой природы.

Таким образом, заглавный концепт *скука / скучный* является смысловой основой чеховского произведения, которое разворачивается как повествование о клонящейся к закату жизни старого ученого, а по сути представляет «универсальную бытийную ситуацию»<sup>19</sup>, которая в этот период виделась Чехову тупиковой для человека, трагически бессмысленной.

В повести используются две грани понятия «скучный»: на поверхностном уровне – надоедливый, неинтересный, банальный; глубже – тоскливый, томительный, гнетуще-тяжкий для души. В конечном счете речь идет о главнейшем истоке *скуки*: о смерти, которая ожидает рано или поздно каждого, как бы он ни жил, каковы бы ни были его моральные качества, заслуги, человеческие связи. В этом заключается и причина *скуки* Николая Степановича: он увидел окружающий мир и себя самого другими глазами – не в привычных рамках жизни, а в сопоставлении с тем, что уже за ними.

В целом трагический смысл произведения реализуется через сложную систему словесно-образных мотивов, организованных стержневым концептом *скука / скучный*. Его основные семантические составляющие – ощущение утомительного *однообразия* жизни и *отчуждение*, которые постепенно проявляют свою экзистенциальную суть. Итоговую же экспликацию ключевой концепт повести получает в слове «тоска», имеющем в русском языке неотъемлемую глубинно-экзистенциальную коннотацию.

**Глава 2 «Переводческая и критическая рецепция повести А. П. Чехова “Скучная история”»** посвящена освоению французскими критиками и литературоведами чеховской повести. В этом разделе представлена характеристика словарного аналога русской *скуки*, французского понятия *ennui*, дается подробное описание переводческой рецепции произведения, определяются переводческие стратегии ее участников; детально рассматриваются способы передачи франкоязычными переводчиками ключевого для повести концепта *скука*.

---

<sup>19</sup> Разумова Н. Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2001. С. 115.

**В первом разделе «Творчество А. П. Чехова во франкоязычном восприятии»** в центре внимания находится вхождение произведений писателя в литературное пространство Франции конца XIX – начала XX веков и дальнейшее их восприятие и оценка в ходе всего XX века. Начало этому процессу положено французским славистом Жюлем Легра (Jules Legras), написавшим в 1895 году книгу «Au pays russe» («В русской стране»), в которой рассказывалось о Чехове и давалась характеристика его творчества. Но, несмотря на достаточно интенсивный перевод произведений писателя и многочисленные отзывы на них французских критиков, Чехов еще долго оставался практически неизвестным для широкой франкоязычной аудитории.

Ситуация изменилась после первой мировой войны. Жорж Питоев (Georges Pitoëff), выходец из России, с успехом поставил на парижской сцене «Дядю Ваню» (1921) и «Чайку» (1922). Популяризации творчества Чехова во Франции способствовало появление в начале 1920-х годов первых томов полного собрания его сочинений<sup>20</sup>. В 1923 году вышел третий том этого собрания под названием «Une banale histoire» («Скучная история»), в котором и была опубликована первая франкоязычная версия повести.

В годы, предшествующие второй мировой войне, и после ее завершения популярность Чехова во Франции неуклонно продолжает расти, о чем свидетельствует успех его пьес, а также появление большого количества исследовательских работ, в том числе монографий. Не сосредоточиваясь специально на повести «Скучная история», их авторы нередко уделяли внимание и ей.

В 1960–70-е годы во Франции наблюдается спад в изучении чеховской прозы, которая оказалась оттеснена его драматургией. Отсутствие новых работ, посвященных прозе Чехова, отчасти компенсируется переизданиями прежних, а также публикацией переводов книг о Чехове и его творчестве, в том числе написанных на русском языке.

На рубеже 1980-х годов интерес к прозаическому творчеству Чехова возобновился: появляются новые исследования его рассказов и повестей, выходит юбилейный номер журнала «Silex», посвященный 120-летию со дня рождения писателя. В 1992 году Чеховской комиссией при Научном совете по истории мировой культуры Российской Академии наук выпущен сборник статей «Чехов и Франция». В нем представлены французские и русские исследования, дающие современную трактовку чеховского наследия и его влияния на литературное развитие Франции.

Однако, говоря о «Скучной истории», приходится отметить, что несмотря на уже довольно большое количество работ, отражающих критическую и литературоведческую рецепцию повести во франкоязычном мире, она еще не получила полноценного осмысления. «Скучная история» рассматривалась главным образом как выражение авторского мировоззрения через фигуру главного героя, служа поводом для разноречивых суждений

---

<sup>20</sup> Oeuvres complètes d'Anton Tchekhov, trad. Du russe par Denis Roche. Paris: Plon, 1922 – 1956, 18 vol.

относительно степени присущего Чехову экзистенциального трагизма и пессимизма. При этом художественная природа заключенного в повести смысла, своеобразие и сложность ее текстовой организации практически не попадает в поле зрения исследователей, что, очевидно, в немалой степени зависит от того, как она переведена на французский язык.

Во втором разделе «Франкоязычная переводческая рецепция “Скучной истории”» представлена основная информация о переводчиках повести: Д. Роше, выполнившем перевод в 1923 году, Б. Шлецере, предложившем свой вариант в 1926 году, Э. Парейре, в 1960 году создавшем новую франкоязычную версию, которая стала впоследствии академической. Дается обзор основных французских собраний сочинений Чехова, содержащих перевод исследуемого произведения.

Рассматриваются межъязыковые различия, объективно препятствующие полноценному воспроизведению русского оригинала на французском языке. Так, отмечается, в частности, что для французского языка характерно использование своих элементов в их строевой, организующей функции в ущерб конкретно содержательной, в отличие от русского языка, где связь между формой и содержанием является более тесной и взаимно-обусловленной<sup>21</sup>. Указывается и разность количества эмоционально-окрашенных лексических единиц (во французском языке их гораздо меньше, чем в русском), оценочных суффиксов и пр.

В третьем разделе «*Ennui* как французский аналог русского концепта *скука*» анализу подвергается понятие *ennui* как ближайшее словарное соответствие русской *скуки*. В результате сравнения самых частотных французских словарных эквивалентов существительного «скука» – «*ennui*» и «*lassitude*», – оказывается, что именно «*ennui*» в большей степени передает его основные значения, что, однако, вовсе не означает семантической тождественности и не исключает значительных расхождений. Рассмотрены данные толковых и ассоциативных французских словарей, а также произведения литературы, где феномен *ennui* становится предметом рефлексии франкоязычных писателей. Особый интерес вызвала реализация понятия *скуки* у Анатоля Франса, и конкретно в его романе «Преступление Сильвестра Бонара» («*Le Crime De Sylvestre Bonnard*», 1881 г.), что объясняется сходством этого произведения и «Скучной истории». Данное сходство могло стать для переводчиков чеховской повести причиной невольного соотнесения этих двух произведений и истолкования смысла «Скучной истории» сквозь призму восприятия и оценки знаменитого романа. Однако у Франса понятие *скуки* связано прежде всего с недостаточной увлекательностью предмета или с пресыщением. Даже когда оно актуализируется в контексте разговора о старении, неуклонном движении к смерти, оно не соотносится с экзистенциальным ужасом. Несмотря на общность ситуации, позиции и выводы героев-повествователей кардинально

---

<sup>21</sup> См.: Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Издательство «Высшая школа», 1965. С. 207.



различны: у Чехова показана принципиальная невозможность ответа на вопрос о смысле человеческого существования, что обуславливает трагический пафос повести; у Франса же в противовес эфемерности отдельного человека утверждаются его связи с другими людьми, придающие его жизни ценность и смысл. Различию авторских концепций соответствует семантическое наполнение слов *скука* и *ennui*.

Рассматривается также реализация понятия *скуки* в романе Ж.-П. Сартра «Тошнота» («La Nausée», 1938 г.), где оно, как и у Чехова, обусловлено принципиальной двойственностью человеческого существования, которое характеризуется одновременно причастностью к бессмысленному, бессознательному миру материи – и наличием сознания, которое никогда не отключается. Однако Сартр, будучи прежде всего философом, прямо подчиняет сюжет романа осмыслению философской проблемы, использует его как иллюстрацию к своим идеям. И, в отличие от Чехова, предлагает довольно оптимистический выход, который по сути сближается с тем, о чем писал А. Франс: у Сартра тоже утверждается связь человека с другими людьми, но опосредованная произведением искусства, которое способно придать подлинность существованию, абсурдному само по себе, и дает надежду человеку с ним примириться.

Однако такое глубокое наполнение понятия *ennui* осталось, очевидно, принадлежностью главным образом философского дискурса и не оказало сколько-нибудь существенного влияния на содержание концепта во французском культурно-языковом сознании – об этом говорят данные современных толковых и ассоциативных словарей.

В целом при сопоставлении русского концепта *скука* с французским *ennui* можно сделать следующие выводы: преобладающей семантикой русского концепта являются тяжелые душевные состояния, тогда как у французского доминирует семантика некоего внешнего препятствия или обусловленного внешними же причинами нежелательного состояния (которое можно преодолеть активностью, например, развлечением). Именно по этой причине адекватное восприятие чеховской повести на французском языке осложняется: отсутствие полноценного аналога русской *скуке* с ее отличительным семантическим потенциалом во франкоязычной культуре делает «Скучную историю» весьма непростой для перевода. В силу экзистенциального характера, имманентного для русского концепта, чеховская повесть становится одним из тех произведений отечественной классики, в котором запечатлен непостижимый для представителей иноязычных культур мир «русской души».

В четвертом разделе «“Скучная история” в переводах Д. Роша, Б. Шлецера и Э. Парейра» рассматриваются некоторые технические трудности перевода «Скучной истории», варианты передачи Рошем, Шлецером и Парейром заглавия повести, а основное внимание сосредоточено на воспроизведении в переводах специфической текстовой структуры оригинала, основу которой составляет концепт *скука*.

В разделе 2.4.1 «Перевод заглавия “Скучной истории”» анализируется воспроизведение названия повести, имеющего принципиальное значение для ее адекватного восприятия, поскольку репрезентует ключевое понятие *скука*, постепенно складывающееся в центральный концепт повести. Уже на этом начальном этапе французские переводчики не проявили единства: у Д. Роша повесть озаглавлена «Une banale histoire», у Б. Шлецера «Une morne histoire», Э. Парейр вернулся к первому варианту – «Une banale histoire». В целом же ни один из переводчиков не справляется с адекватным воспроизведением названия. Однако, как показало сопоставительное исследование концепта *скука* с его ближайшим французским аналогом *ennui*, при передаче заглавия чеховского произведения средствами французского языка смысловые отступления от оригинала неизбежны. В результате и Рош, и Шлецер, и Парейр представляют тот вариант имени текста, который соответствует их пониманию повести. А исходя из того, что перевод заглавия являет собой первичный показатель интерпретации переводчиком художественного произведения, можно констатировать, что Шлецер наиболее близок к оригинальной концепции «Скучной истории».

В разделе 2.4.2 «Репрезентация семантики *однообразия*» представленный анализ показывает, что в переводе Роша происходит распад оригинальных мотивов на более мелкие лексические группы, конкретизирующие основную семантику в зависимости от непосредственного контекста; наблюдается мотивное перераспределение, в большинстве случаев приводящее к семантическому акцентированию *однообразия*. В результате усиливается по сравнению с оригиналом значимость бытовых факторов, влекущих за собой ощущение непомерной *скуки* героя. У Шлецера также присутствует незначительное мотивное перераспределение, распад оригинальных мотивов на более мелкие части, каждая из которых укрупняется за счет дополнительного использования своих репрезентантов в словесной ткани произведения, а также частичное отсутствие перевода некоторых лексических мотивов, но вместе с этим и употребление соответствующих вербальных представителей мотивов там, где этого нет в оригинале. Такое положение приводит к небольшим структурным изменениям в семантической системе произведения, что выражается в подчеркивании «ненужных» факторов повседневной действительности, вызывающих *скуку* героя, и устранение этих акцентов там, где они были задуманы автором. В результате семантика *однообразия* в переводной версии Шлецера в сравнении с оригиналом ослабевает. В переводе Парейра, наоборот, происходит некоторое усиление семантики *однообразия*, вызванное дополнительным употреблением словесных мотивов с соответствующим смыслом. Наблюдается и определенное мотивное перераспределение, также способствующее акцентированию бытового характера *скуки* главного героя. В целом же Парейру удастся наиболее полноценно в сравнении с другими переводчиками передать семантику *однообразия*, формирующую одну из важнейших составляющих концепта *скука* / *скучный* в оригинале повести.

В разделе 2.3.2 «Репрезентация семантики *отчуждения*» выясняется, что она оказалась более сложной для передачи на французский язык. У Роша наблюдается ее значительное ослабление, обусловленное, скорее всего, недооценкой переводчиком ее смыслообразующей функции. Редукция общей семантики *отчуждения* происходит во многом из-за практически полной утраты ее проблемной основы, которая заключена в мучительном как для героя, так и для автора «Скучной истории» разрыве между материальной и духовной сторонами человека. Рош крайне невнятно воспроизводит данную грань смысла оригинального произведения, что, безусловно, отражается на уровне его интерпретации чеховской повести. У Шлецера погрешности при воспроизведении лексических мотивов, реализующих значение внутренней обособленности героя от окружающего мира и даже от собственного имени и представляющих нюансы внутреннего переживания им состояния *скуки*, незначительно ослабляют общую семантику *отчуждения*, но не являются принципиальными для постижения смысла чеховской повести. У Парейра также наблюдается ослабление внутреннего переживания героем состояния *скуки*.

В целом семантика *отчуждения* представляется более сложной для передачи на французском языке в сравнении с семантикой *однообразия*. Помимо переводческой невнимательности, а точнее, недопонимания переводчиками чеховской повести в ее структурно-смысловом единстве, адекватному воспроизведению оригинальных мотивов здесь мешают еще и объективные языковые особенности, в частности, разный семантический потенциал русских и французских слов, а также наличие словообразовательных связей между русскими словами, формирующими один мотив, и отсутствие таковых между аналогичными словами французского языка.

В разделе 2.4.4 «Репрезентация экзистенциальных мотивов» особое внимание уделяется переводу выражения «*общая идея*», обладающего, наряду с заглавным выражением «*скучная история*», двойной семантикой: в обычном смысле – это идея универсального характера и всеобщей распространенности, в контексте же повести это ответ на вопрос о том, что объединяет в человеке две столь противоположные стороны его существования – номинальную и реальную, духовную и физическую, бессмертную и смертную. Для адекватной передачи данного выражения переводчикам необходимо было найти аналог с соответствующим семантическим потенциалом. Однако анализ переводов показал, что ни Рош, ни Шлецер, ни Парейр не используют какого-то единого варианта при передаче русского «*общий*», что нарушает целостность всей обозначенной группы и ведет к очевидным смысловым потерям.

В целом проведенное исследование доказывает настоятельную необходимость предпереводческого концептного анализа оригинального произведения, который призван помочь переводчику в осознанном и целенаправленном выборе единиц перевода.

В **Заключении** подводится итог французской рецепции повести, начиная с момента появления первого перевода «Скучной истории» и заканчивая современностью. Делается вывод о том, что повесть еще не получила во Франции основательного и всестороннего осмысления, хотя многократно издавалась и нередко привлекала внимание критиков и литературоведов, сосредоточивших свое внимание на фигуре главного героя, воспринимаемого практически как авторская маска. Дистанция между автором и героем, заполненная специфической организацией его повествовательного дискурса и являющаяся основным генератором смысла в произведении, остается не замеченной, не осмысленной и не воссозданной в переводах.

В качестве возможных перспектив исследования предлагается изучение как эволюции самого концепта *скука* в его текстоорганизующей функции в прозе и драматургии Чехова, так и «ассортимента» преобладающих концептуальных структур его творчества в сопоставлении с творчеством других писателей с целью выявить специфику и набора, и способов функционирования выявленных концептов.

#### **Работы, опубликованные по теме диссертации:**

*Статьи в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации:*

1. Ласточкина (Сопова) С. П. Повесть А. П. Чехова «Скучная история» во французских переводческих интерпретациях // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – Выпуск 8 (98). – С. 16–18. – 0,24 п.л.
2. Сопова С. П. К вопросу о причинах переводческих трансформаций художественного произведения // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – Выпуск 4 (145). – С. 112–118. – 0,78 п.л.
3. Сопова С. П. Мотивные составляющие концепта *скука* в повести А. П. Чехова «Скучная история» // Сибирский филологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 43–47. – 0,4 п.л.

*Публикации в других научных изданиях:*

4. Ласточкина (Сопова) С. П. Повесть А. П. Чехова «Скучная история» в русской критике и литературоведении // Сборник трудов по материалам XIV Всероссийской с международным участием конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (19–23 апреля 2010 г.):

В 6 т. Т. II: Филология. Ч. 1: Русский язык и литература. Томск: Издательство ТГПУ, 2010. С. 259–261. – 0,16 п.л.

5. Сопова С. П. Первые отзывы критики о повести А. П. Чехова «Скучная история» // I Всероссийский фестиваль науки: Сборник трудов по материалам Всероссийской с международным участием конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (25–29 апреля 2011 г.): В 6 т. Том II: Филология. Ч. 1: Русский язык и литература. Томск: Издательство ТГПУ, 2011. С. 47–50. – 0,26 п.л.

6. Сопова С.П. Представление концепта «скука» в повести А.П. Чехова «Скучная история» и поиск его французского эквивалента // III Всероссийский фестиваль науки: Сборник трудов по материалам XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (22–26 апреля 2013 г.): В 5 т. Том II: Филология. Ч. 1: Русский язык и литература. Томск: Издательство ТГПУ, 2013. С. 28–32. – 0,31 п.л.



Подписано в печать 22.12.2014 г.  
Формат А4/2. Ризография  
Печ. л. 1,41. Тираж 100 экз. Заказ № 1/184  
Отпечатано в ЮФ ФГУП «НИИСУ»  
652050, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Шоссейная 1